

рѣе спать. И вернулся отшельникъ къ старцу и говорить:

— Нѣтъ, нечему поучиться у нихъ: они и Бога-то всего два раза въ день вспомнили, утромъ да вечеромъ...

„Взялъ тогда старецъ чашу, налилъ ее до самыхъ краевъ масломъ и подалъ отшельнику.

— На,—говорить,—возьми эту чашу и за день обойди съ нею вокругъ деревни, да такъ, чтобы не пролить ни одной капли...

„Взялъ отшельникъ чашу, ушелъ, а вечеромъ воротился.

— Ну, хорошо... — сказалъ старецъ.— Теперь скажи мнѣ, сколько разъ ты за день о Богѣ вспомнилъ?

— Ни одного... — смутившись, отвѣчалъ отшельникъ.— Я все на чашу глядѣлъ, пролить боялся...

— Ну, вотъ видишь... — сказалъ старецъ (тутъ голосъ Льва Николаевича сталъ осѣкаться и дрожать).— Ну, вотъ видишь: ты только о чашѣ думалъ, и то Бога ни разу не вспомнилъ, а онъ, мужикъ-то, и себя кормить, и семью, да еще и насъ съ тобой въ придачу, а и то два раза Бога вспомнилъ!..“

Левъ Николаевичъ, растроганный, съ глазами полными слезъ, едва-едва могъ договорить послѣднія слова—вѣрнѣе, ихъ договорили ребяташки, маленькіе мужи-